

READING IN RUSSIA

**Practices of Reading
and Literary Communication, 1760-1930**

Edited by Damiano Rebecchini and Raffaella Vassena

di/*segni*

Dipartimento di Lingue e Letterature Straniere
Facoltà di Studi Umanistici
Università degli Studi di Milano

© 2014 degli autori dei contributi e di Damiano Rebecchini
e Raffaella Vassena per l'insieme del volume
ISBN 978-88-6705-247-9

ILLUSTRAZIONE DI COPERTINA:
Aleksandr Rodchenko, *Portret materi*, 1924.

di/segni
n° 9

Collana sottoposta a double blind peer review
ISSN: 2282-2097

Grafica:

Raúl Díaz Rosales

Composizione:

Ledizioni

Disegno del logo:

Paola Turino

STAMPATO A MILANO
NEL MESE DI OTTOBRE 2014

www.ledizioni.it
www.ledipublishing.com
info@ledizioni.it
Via Alamanni 11 – 20141 Milano

Tutti i diritti d'autore e connessi sulla presente opera appartengono all'autore.
L'opera per volontà dell'autore e dell'editore è rilasciata nei termini della licenza
Creative Commons 3.0, il cui testo integrale è disponibile alla pagina web
<http://creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0/it/legalcode>

CONTENTS

<i>“Reader, Where Are You?” An Introduction</i>	II
D. REBECCHINI, R. VASSENA	
<i>Нормативная критика и романное чтение в России середины XVIII века</i>	39
Р. БОДЭН	
<i>Книги и чтение в автобиографических повествованиях о детстве русских писателей XVIII–XIX вв.: опыт прочтения</i>	59
Л. РОССИ	
<i>Письменная литература в России в XIX веке, ее социокультурные функции и читатели</i>	79
А. РЕЙТБЛАТ	
<i>Reading with Maps, Prints and Commonplace Books, or How the Poet V.A. Zhukovsky Taught Alexander II to Read Russia (1825-1838)</i>	99
D. REBECCHINI	
<i>How Not to Read: Belinsky on Literary Provincialism</i>	117
A. LOUNSBERY	
<i>Writing the Russian Reader into the Text: Gogol, Turgenev, and Their Audiences</i>	129
E.M. BOJANOWSKA	
<i>Dostoevsky’s Poor People: Reading as if for Life</i>	143
R. FEUER MILLER	

<i>Публичные литературные чтения эпохи Великих реформ как пример коммуникативной (не)удачи</i>	165
P. BACCENA	
<i>V.N. Golitsyn Reads Anna Karenina: How One of Karenin's Colleagues Responded to the Novel</i>	189
W.M. TODD III	
<i>The Young Chekhov: Reader and Writer of Popular Realism</i>	201
J. BROOKS	
<i>Заметка к теме: Диалог с читателем в русских журналах 1900-х – 1910-х годов</i>	219
O. LEKMANOV	
<i>Making the Symbolist Book / Fashioning the Symbolist Reader: the Case of Aleksandr Dobroliubov's Collected Verses</i>	229
J. STONE	
<i>Русская литература между читателем и писателем: от Соцреализма до Соцарта</i>	249
E. DOBRENKO	
ABSTRACTS IN ENGLISH	263
AUTHORS	269
INDEX OF NAMES	273

КНИГИ И ЧТЕНИЕ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ
ПОВЕСТВОВАНИЯХ О ДЕТСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
XVIII–XIX ВВ.: ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ

Лаура Росси

UNIVERSITÀ DEGLI STUDI DI MILANO

В начале главы “Комиссаржевская” автобиографической книги Осипа Мандельштама *Шум времени* (1925–1928, детские годы: 1891–1903) автор определяет замысел своего произведения, отмежевываясь от предыдущих (псевдо)¹ автобиографий русских писателей:

Мне хочется говорить не о себе, а следить за веком, за шумом и прорастанием времени. Память моя враждебна всему личному. [...] Никогда я не мог понять Толстых и Аксаковых, Багровых-внуков, влюбленных в семейственные архивы с эпическими домашними воспоминаниями. [...] Разночинцу не нужна память, ему достаточно рассказать о книгах, которые он прочел, – и биография готова.²

Однако, вопреки полемическому тону, книга поэта является лишь звеном в цепочке автобиографических повестей и мемуаров о детстве русских писателей, где тема чтения, “книг, которые он прочел,” всегда играла важную роль.³ Мало того, некоторые детали, казалось бы, прямо указывают на эту традицию.

¹ О псевдо-автобиографии как о специфически русском жанре см. Wachtel 1990: 3, 15–36.

² Мандельштам 1993, 2: 384.

³ Вместе с тем, по мнению Л. Кациса “описание Мандельштамом отцовского книжного шкафа представляет собой характернейший пример подобного описания из русско-еврейской литературы” (Кацис 2002: 168).

Во-первых, заглавие четвертой главы *Шума времени*, “Книжный шкаф,”⁴ в силу применения семейного,⁵ старомодного слова “шкап,” невольно напоминает “желтый шкаф,” унаследованный от матери Леоном, героем автобиографической повести Н.М. Карамзина “Рыцарь нашего времени” (1802–1803, детские годы: 1766–1779).⁶ Во-вторых, последнюю фразу приведенной тирады можно применить к “*Литературным* и нравственным скитальчествам” поэта и критика разночинского происхождения Аполлона Григорьева (1862–1864, детские годы: 1822–1835), где чтение заменяет жизнь и прочитанная или прослушанная книга знаменует собой определенную историческую эпоху или этап жизненного пути. В самом деле слова поэта, может быть не случайно, очень напоминают его же слова первой главы о том, что он “намерен писать не автобиографию, но историю своих впечатлений; [берет] себя как объекта, как лицо совершенно постороннее, смотр[ит] на себя как на одного из сынов известной эпохи.”⁷ При этом, уже в предисловии, обращенном к М.М. Достоевскому, различные “эпохи литературные” характеризуются *цветом обложки* литературных журналов “с жадностью читаемых, доглатываемых молодежью.”⁸ В-третьих, и главное, в *Детских годах Багрова-внука* Сергея Аксакова (1858, детские годы: 1791–1803), книге, написанной “для детского чтения,”⁹ чтению книг отведено центральное место в характеристике героя не как потомка определенного рода, а как отдельной – творческой, в перспективе писательской – личности.

В настоящей статье мы будем очерчивать круг проблем, связанных с трактовкой темы чтения в автобиографиях и “детствах” русских писателей конца XVIII–конца XIX вв. Речь будет идти о произведениях, где часто элемент вымысла в той или иной мере перемешивается с реальностью, от *Жизни и приключений Андрея Болотова, описанных самим им для своих потомков* (1789–1816, детские годы: 1738–1751) до *Жизни Арсеньева* И. Бунина (1930; 1952, д. г.: 1873–1880). Парадоксально, но выпадают из кадра такие фундаментальные представители жанра, как *Детство* Л. Толстого и *Котик Летаев* (а также *Крещеный китаец*) А. Белого, где только упоминается или подразумевается чтение, особенно взрослыми, но оно играет второстепенную роль.

Наша работа стоит на перекрестке нескольких научных направлений, популярных в настоящее время как на западе, так и в России – с одной

⁴ Мандельштам 1993, 2: 384.

⁵ Ср. Письмо отцу Э.В. Мандельштаму, 12 дек. 1936 г.: “Так хочу очутиться в твоей комнате с зеленым диваном и нашим шкапчиком” (Мандельштам 1993, 4: 173).

⁶ См. Гл. VI: Успехи в учении, образовании ума и чувства (Карамзин 1963, 1: 763–764).

⁷ Григорьев 1980: 10.

⁸ Там же: 5.

⁹ Аксаков 1966: 586.

стороны изучения автобиографических повествований, в том числе о детстве,¹⁰ с другой, книговедения и истории чтения и читателя.¹¹ Тем не менее, она, по подходу и по временному диапазону, кажется, отличается от предшествующих исследований, и, хотя не претендует на систематичность и на исчерпанность, способна пролить свет на некоторые особенности панорамы российской культуры.

Постараемся сначала уточнить, как часто встречается тема чтения в подобных текстах европейской литературы. Перед нами скудные и довольно противоречивые суждения. С одной стороны, установлено, что даже в то время (XVI–начало XVIII вв., условно говоря – до основополагающей *Исповеди* Руссо), когда детство занимало очень скромное место в автобиографических повествованиях, нередко авторы считали нужным включить какую-то информацию о начале учебы и о первых опытах чтения.¹² В частности, на основе большого фактического материала утверждалось, что когда речь идет о детстве “поэта,” книга берет верх над игрушкой: по мнению американского исследователя, будущий писатель живет в мире то ли непосредственной действительности, то ли фантазии, куда его сопровождает книга, и он не нуждается в искусственных заменителях собственного воображения – игрушках.¹³ На самом деле детальный анализ *Исповеди* Руссо показал структурную роль романов и вымышленных историй в повествовании, претендующем на полную искренность и правдивость.¹⁴ Вместе с тем, современный итальянский исследователь, определивший составные элементы морфологии европейского рассказа о детстве, включает чтение (запрещенной) книги в раздел “преступлений,” но не выделяет его в качестве самостоятельного важного компонента.¹⁵

Впрочем, и работы об автобиографической прозе в России не уделяют особого внимания теме чтения.¹⁶ Другое дело – исследования, посвященные истории читателя, и/или специфическим эпохам русской культуры. В статье о детском чтении в России в XVIII столетии “по мемуарам современников” историк А.Ю. Самарин отмечает, что “тема книги или чтения чаще всего подробно прослеживается лишь на страницах мемуаров, посвященных описанию детских и юношеских лет,” так как в воспомина-

¹⁰ Нет возможности дать хотя бы беглого обзора литературы об автобиографиях и о детских воспоминаниях. Помимо процитированных далее исследований, назовём только Battistini 2007; Orlando 2007; Тартаковский 1991; Кошелева 2000.

¹¹ Ср. Кавалло, Шартье 2008 и начатую в 1973 г. серию сб. История русского читателя под ред. И.Е. Баренбаума.

¹² D’Intino 1998: 212.

¹³ Coe 1984: 208.

¹⁴ Tassi 2007: 92–94.

¹⁵ Zatti 2007: 311.

¹⁶ Ср. напр. Wachtel 1990; Николина 2002; Савина 2002.

ниях “авторы, как правило, фиксируют только наиболее значимые события своей жизни” а именно в детские годы “книга становится важнейшим инструментом познания действительности.”¹⁷ Привилегированной точкой наблюдения являются XVIII век, “век исключительно усердного чтения” по определению П.Н. Беркова,¹⁸ и в частности эпоха Сентиментализма, в литературе которого наблюдают присутствие настоящего топоса “Чтения,”¹⁹ “приятного и полезного препровождения времени”²⁰ по преимуществу. В главе о “чтении в жизни ‘чувствительного героя’” известной книги о русском сентиментализме, Н.Д. Кочеткова показывает, как изменения, происходившие “в отношениях к книге, кругу чтения, наконец в самом процессе чтения”²¹ на протяжении XVIII в. как в западной Европе, так и в России, обусловили возникновение в прозе сентиментализма “читающих героев,” и мотив “пережитой литературы в литературе.”²²

Другую группу ‘читающих героев’ мы встречаем в лубочной и массовой литературе конца XIX в., предназначенной для читателей, которые первыми в своих семьях овладели грамотой.²³ В историях успеха П.С. Куклина, В.А. Лунина, А.М. Пазухина, герои, мужчины и женщины, характеризуются образованностью и любовью к чтению, что позволяет современному исследователю их сопоставить со святыми житийной литературы, обычно быстро и усердно учащимися.²⁴

Детские воспоминания русских писателей XVIII–XIX вв. писались на этом литературном фоне,²⁵ конечно, но, как ни парадоксально, освещают тему книг и чтения ярче и разнообразнее. Вместе с тем, сопоставление текстов, написанных людьми, далекими по времени или по гендерному, географическому, социальному происхождению, но дошедших в зрелые годы до аналогичного писательского (творческого) статуса, позволяет выявить общие закономерности трактовки мотива чтения и неожиданные параллели или же расхождения.

Как не все повествования о детстве начинаются с рождения главного героя, так и не все воспоминания о детских книгах предусматривают рассказ об обучении грамоте. Для нас оно важно тем, что это выражение тра-

¹⁷ Самарин 2001: 79. Ср. и Glagoleva 2003.

¹⁸ Берков 1981: 148.

¹⁹ Сурков 2010.

²⁰ Заглавие журнала под редакцией В.С. Подшивалова, выходившего как приложение к “Московским ведомостям” в 1794–1798 гг.

²¹ Кочеткова 1994:157.

²² Там же: 159.

²³ Brooks 1985: 269.

²⁴ Там же: 281–282.

²⁵ Ср. Сапченко 2003; Brooks 1985: 283. Автор истолковывает мемуары М. Горького как литературный вариант историй успеха народной литературы. Ср. и Barratt 1993: 68.

диционно обозначало ‘учить читать,’ а не обязательно ‘читать и писать.’ Это специально подчеркивается Сергеем Аксаковым: “Как и когда я выучился читать, кто меня учил и по какой методе – решительно не знаю;²⁶ но писать я учился гораздо позднее и как-то очень медленно и долго.”²⁷

Напротив, Карамзинскому Леону все давалось чрезвычайно легко и быстро, но порядок учения и здесь – одинаков: “Отче наш,” буквы, складыв, слова, титлы, церковные книги, затем он “так же скоро выучился и писать; так же скоро начал разбирать и печать светскую...”²⁸

Еще в 1870 г., когда происходит *Детство* М. Горького (1913–1914, д. г. 1871–1879), мальчик выучивал сначала молитвы, затем дед красильщик колоритно обучал его читать азбуку и “вскоре” он “уже читал по складам Псалтырь,”²⁹ а писать он все еще не умел. Вместе с тем, во всех повествованиях бросается в глаза коренная связь между чтением книг и чтением наизусть или чтением молитв.

В самом деле, в преобладающем большинстве случаев, от “Рыцаря нашего времени” и мемуаров Андрея Болотова, Д. Фонвизина и Ап. Григорьева до *Пошехонской старины* М. Е. Салтыкова-Щедрин (1887–1889, д. г. 1826–1836) и *Детства* Горького, обучение грамоте (чтению) “естественно” означает овладение славянским алфавитом. Нередко, поэтому, первыми прочитанными книгами выступают церковные книги. При этом, отношение к таким чтениям, в зависимости от эпохи, а также от характера автора, различно. Если в “Чистосердечном признании в делах моих и помышлениях” (1792, д. г.: 1745–1758) Фонвизин подчеркивает их положительное воздействие на его будущее знание русского языка,³⁰ то Горький самодовольно описывает себя ребенком, смеющимся над странными выражениями и знаками.

Слово “яко же” принимало скрытый смысл, и я нарочно всячески искажал его:

²⁶ За то автор показывает как мальчик старался “учить читать маленькую сестрицу, и совершенно без пользы” (Аксаков 1966: 320).

²⁷ Аксаков 1966: 272. И А. Фет в своих *Воспоминаниях* подчеркивает, что, в то время, когда он уже знал немецкую и русскую грамоту, “писать [...] тогда не умел, так как отец весьма серьезно смотрел на искусство чистописания и требовал, чтобы к нему прибегали хотя и поздно, но по всем правилам под руководством мастера выписывать палки и оники” (Фет 1983: 41).

²⁸ Карамзин 1964: 764.

²⁹ Горький 1972, XV: 70.

³⁰ “Как скоро я выучился читать, так отец мой у крестов заставлял меня читать. Сему обязан я, если имею в российском языке некоторое знание. Ибо, читая церковные книги, ознакомился я с славянским языком, без чего российского языка и знать невозможно” (Фонвизин 1959: 87).

— “Яков же,” “я в коже”...³¹

[...]

Буки-люди-аз-ла-бла; живе-те-иже-же-блаже; наш-ер-блажен,

— выговаривал я, вода указкой по странице, и от скуки спрашивал:

— Блажен муж, — это дядя Яков?³²

На фоне этой нормы следует читать повествования, где обучение началось со светских или иностранных книг. Иногда это можно объяснить более или менее отдаленным западным происхождением молодого героя. У Ивана Ивановича Дмитриева, автора “Взгляда на мою жизнь” (1823, детские годы: 1768–1874), который начал учиться в пансионе у француза Манжена, прабабка была шведкой;³³ у Герцена, кому, как он рассказывает в главе “Детская и университет” из *Былого и дум* (1856–1861, д. г.: 1812–1825), “Катехизис попался [...] в руки после Вольтера,” отец, человек XVIII в., буквально “не читал ни одной русской книги, ни даже Библии,”³⁴ а мать была немкой.³⁵ Отдельный случай представляет *История моего современника* (1906–1909, д. г.: 1855–1863) Владимира Короленко, которого в городе Житомире обучали “как-то незаметно,” играя, польской азбуке.³⁶

Тем более примечательно, что среди детей, которые получили с самого начала ‘светское’ образование находим Багрова-внука С. Аксакова. Автор описывает его “дитятей [...] беспрестанно, хотя медленно, [...] читающим детскую книжку с картинками, под названием ‘Зеркало добродетели,’”³⁷ его “единственную книжку,” которую он “знал наизусть всю.”³⁸

В данном случае необычное воспитание обусловлено незаурядными личностью и (само-)воспитанием матери Софьи Николаевны, о которых шла речь в третьем отрывке из “Семейной Хроники.”³⁹ Семнадцатилетней девушкой сиротой она вступила в переписку с Н. Новиковым, от него получала разные полезные книги, между тем как драгоценный во всех от-

³¹ Горький 1972, XV: 23.

³² Там же: 70. Впрочем он будет искажать и стихи Некрасова, которые мать заставит его учить. Как и во всем остальном, мать противостоит деду и “энергичным” обучением сына “гражданской” грамоте” (Горький 1972, XV: 138).

³³ Дмитриев 1866: II.

³⁴ Герцен 1956, 53; 87.

³⁵ Как известно, и мать А. Фета была немецкого происхождения, и сначала “выучила” сына “по складам читать по-немецкий” (Фет 1983: 40).

³⁶ Короленко 1953: 66.

³⁷ Аксаков 1966: 272.

³⁸ Там же: 274.

³⁹ Ср. Соболевская 1997.

ношениях “Домашний лечебник Бухана”⁴⁰ прислал ей “путешественник, граф Мантейфель.”⁴¹ Впоследствии, однако, и мальчик “выучился читать церковную печать,”⁴² так что, когда дед умер, он был в состоянии присоединиться к тем, которые “по дедушке псалтырь чита[ли].”⁴³

Красной нитью через “детства” русских писателей проходит тема ‘первой’ или ‘самой главной (обычно не школьной) книги.’ Любопытно проследить, как, в зависимости от эпохи и от культурной среды, меняются самые влиятельные детские чтения.

В будущем полиграфе Андрее Болотове, который учился в пансионе, любовь к чтению пробудил Фенелоновый *Телемак*, начатый по-французский по приказу учителя, и продолженный в русском переводе.⁴⁴ Напротив, поэт сентименталист И. Дмитриев начал *Приключения Маркиза Г.* в переводе, и так увлекся, что последние два, еще не переведенные тома,⁴⁵ читал по-французски.⁴⁶ Если для Болотова классное и бытовое чтение спокойно сосуществовали, то и к Дмитриеву, кажется, применимы слова Герцена о том, что “страсть к бессистемному чтению была вообще одним из главных препятствий серьезному учению.”⁴⁷ Жалуясь на то, “что в домах нигде не было не только библиотек, но ни малейших собраний,”⁴⁸ Болотов регистрирует приобретение каждой новой книги, самого разнообразного характера и происхождения, и всегда отмечает удовольствие и пользу, которые ему принесли несколько раз читанные: “Курасова сокращения истории и истории принца Евгения” из ящика отца,⁴⁹ рукописный

⁴⁰ Buchan, W., *Domestic Medicine, or the Family Physician: being an Attempt to render the Medical Art more generally useful*, [...] Edinburgh, 1769. *Полный и всеобщий домашний лечебник* [...] Творение г. Бухана, славнейшаго в нынешнем веке англинскаго врача. Т. 1–5, Москва, 1790–1792.

⁴¹ Аксаков 1966: 126.

⁴² Там же: 398.

⁴³ Там же: 390.

⁴⁴ Болотов 1993, I: 89–90. *Похождение Телемака, сына Улисса сочинено г. Фенелоном* [...] Переведено на российский язык в 1734 году [А.Ф. Хрушовым] [...] СПб. при Имп. Акад. наук, 1747. Ср. Фенелон 2011.

⁴⁵ Prévost, A.F., *Mémoires et aventures d'un homme de qualité qui s'est retiré du monde*, Amsterdam, 1728–1731. *Приключения маркиза Г... или Жизнь благородного человека оставившаго свет, переведена на российский язык Иваном Елагиным*, СПб., при Имп. Акад. наук, Ч. 1–4, 1756–1758; Ч. 5–6, 1764–1765 (В. И. Лукиным).

⁴⁶ Дмитриев 1866: 15.

⁴⁷ Герцен 1956: 46.

⁴⁸ Болотов 1993: 90.

⁴⁹ Там же: 96. Curas, H., *Einleitung zur Universalhistorie zum Gebrauche bey dem ersten Unterrichte der Jugend. Введение в генеральную историю* изданное на немецком языке от Гильмара Кураса а на российской язык переведено [...] Сергеем Волчковым. СПб. при Имп. Акад. наук, 1747. *Des grossen Feld-Herrns Eugenii Hertzogs von Savoyen und Kayserlichen General-Lieutenants Helden-Thaten*, Frankfurt und Leipzig. *Описание жития и дел принца Эвгенія герцога Савойскаго* [...] с грыдорванными изображениями

любовный роман *Эпаминонд и Целериана* от одного офицера его полка,⁵⁰ *Жизнь Александра Македонского* Квинта Курция Руфа, от мужа старшей сестры,⁵¹ и так далее.

Своему Леону Карамзин приписывает чтение *Эзоповых басен* и серии романов, оставленных после рано умершей матери: *Дайра, восточная повесть*, *Селим и Дамасина*, *Мирамонд*, *История лорда N*.⁵² Вслед за Руссо,⁵³ рассказчик утверждает, что романы не развратили, а, напротив, возвышали его своими представлениями об идеальной любви. И А. Болотов подчеркивает возвышенный характер прочитанного любовного романа.⁵⁴ У И. Дмитриева, читавшего в детстве *Тысячу одну ночь*, *Шутливые повести Скаррона*, *Похождения Робинзона Крузо*, *Жильблаза де Сантилана*,⁵⁵ а также *Похождения Клевеланда*⁵⁶ и, как мы уже видели, *Похождения маркиза Г.*, их положительное воздействие не ограничива-

всех его баталий и знатнейших осад. [Перевел И. К. Тауберг] СПб. при Имп. Акад. наук, 1740.

⁵⁰ Болотов 1993: 169–170. *История о Эпаменонде и Целериане*, которая содержит в себе шестнадцать книг и разделена на два тома. Переведена с французского языка на российский в 1741 году в Санкт-Петербурге (Дергачева-Скоп 1971: 343).

⁵¹ Болотов 1993: 21. Квинта Курция *История о Александре Великом царе македонском с дополнением Фрейнсеима и с примечаниями*. Переведена с латинского языка вторично, Степаном Крашенинникова [...] Т. 1–2. СПб. при Имп. Акад. наук, 1750.

⁵² Карамзин 1964: 764. *Les Fables d'Esop, et de plusieurs autres excellens mythologistes, accompane du sens moral et des réflexions de m. le chevalier Lestrangle*, Amsterdam, 1714. *Эзоповы басни* с нравоучением и примечаниями Рожера Летранжа, вновь изданныя, а на российской язык переведены в Санктпетербурге [...] Сергеем Волчковым. СПб. при Имп. Акад. наук, 1747 или 1760. La Popelinère, A. J.J., *Daïra. Histoire Orientale*. En quatre parties. Amsterdam, 1761. *Даира, восточная повесть*, состоящая в четырех частях, переведена с французского языка. [М.] при Имп. Моск. ун-те 1766–1767. M.me Le Givre de Richebourg, *Les aventures de Zelim et de Damasine. Histoire africaine*, Amsterdam 1735. *Селим и Дамасина африканская повесть*; переведена с французского [И. И. Акимовым] СПб. 1761. Эмин Ф. А., *Непостоянная fortuna или Похождение Мирамонда*, Ч. 1–3, СПб. 1763. *Mémoires de milord *** traduits de l'anglaise par m. de La Place. Приключения милорда ****, или *Жизнь младого человека, бывшаго иралицем любви* писанная на английском и переведенная на французкой г. де Ла Пласом, СПб. 1771.

⁵³ Rousseau 2003: 37; ср. Tassi 2007: 92.

⁵⁴ Болотов 1993: 170.

⁵⁵ Дмитриев 1866: 14. *Les mille et une nuit, contes arabes*. Traduits en françois. Par mr. Galland. *Тысяча и одна ночь. Сказки арабския*, переведены с французского языка [Александром Филатовым], Т. 1–12 печ. при Имп. Московском университете, 1763–1774. Scarron P. *Le roman comique*, 1651–1657. Господина Скаррона *Шутливая повесть* переведена с немецкого языка Васильем Тепловым, Ч. 1–2, СПб. При Имп. Акад. наук, 1763. *Жизнь и приключения Робинзона Крузо природного агличанина*. Переведена с французского Яковом Трусовым, Ч. 1–2, СПб., при Имп. Акад. наук, 1762–1764. *Похождения Жилблаза де Сантиланы*, описанныя г. Ле Сажем, а переведенныя [...] Васильем Тепловым, Т. 1–4, СПб. при Имп. Акад. наук, 1754–1755.

⁵⁶ Prevost A.F. *Le Philosophe anglais, ou Histoire de Monsieur Cleveland, fils naturel de Cromwell*, écrite par lui-même, et traduite de l'anglais, Paris 1731–1739. *Философ аглинской, или Житие Клевеланда*, побочного сына Кромвелера, самим им писанное и с аглинского на французской а с французского на российской язык переведенное, Т. 1–9, [СПб.] 1760–[ок. 1785].

ется чувствительностью: чтение романов заставляет его задуматься во время поездки с братом “отчего [он] так долго молч[ит] и ни о чем не рассужда[ет]” как “молодой маркиз дорогою рассуждал в коляске с своим наставником; барон ‘Пельниц’ с своим сыном, и ‘Дон Фигероазо, или Уединенный Гишпанец,’⁵⁷ также с своими детьми.”⁵⁸

Багров-внук долго должен довольствоваться первой книгой. Приобретение второй, первого детского журнала, изданного Н. Новиковым, от старого благодетеля матери С.И. Аничкова дает повод для самого яркого описания настоящего увлечения чтением, типичного знака пресловутой “революции чтения конца 1790-х гг.”⁵⁹

О счастье!.. “Детское чтение для сердца и разума,” [...] Я так обрадовался, что чуть не со слезами бросился на шею старику и, не помня себя, запрыгал и побежал домой [...]. Боясь, чтоб кто-нибудь не отнял моего сокровища, я пробежал прямо через сени в детскую, лег в свою кроватку, закрылся пологом, развернул первую часть – и позабыл всё меня окружающее.[...] Меня отыскивали лежащего с книжкой. [...] я был точно как помешанный: ничего не говорил, не понимал, что мне говорят, и не хотел идти обедать.”⁶⁰

Не будем проследивать весь процесс медленного пополнения библиотеки ребенка из разных источников, от двух книг тети, *Сонника, или истолкование снов* и слабой комической пьесы Н. П. Николева, которая тем не менее привила ему “склонность к театральным сочинениям,”⁶¹ до *Детской библиотеки* И.Г. Кампе в переводе А.С. Шишкова и одной рукописной книги, таинственные знаки которой возбудили его фантазию,⁶² наконец, до “романов, как-то: *Векфильдский священник, Герберт, или Прощай богатство* и *Железная маска*:⁶³ интерес увеличивался тем, что это была не выдумка,

⁵⁷ Pöllnitz, K.L. von, *Lettres et mémoires du baron de Pöllnitz* [...], Amsterdam, 1737. *Полохождение барона де Польниц* с примечаниями историческими и географическими, описанное им самим. Переведено с французского языка Павлом Жуковым, Т. 1–2, Печ. при Имп. Моск. Ун-те, 1767. *Le solitaire espagnol, ou Mémoires de D. Varasque de Figueroas*, P. 1-2, Leyde, 1738-1740. *Уединенный ишпанец, или Жизнь дона Вараска Фигероаса* [пер. А.Г. Окунев], СПб. 1767-1768.

⁵⁸ Дмитриев 1866: 16.

⁵⁹ Виттман 2008: 375-383.

⁶⁰ Аксаков 1966: 275.

⁶¹ Там же: 324-325.

⁶² Там же: 336.

⁶³ *Векфильдской священник*, история. Аглинское сочинение [Пер. Н. И. Страхов], Ч. 1-2, М., тип. Комп. 1786. Lee, H. *The errors of Innocence*, London 1786. de La Mare, V. *Herbert, ou Adieu, richesse*, Paris 1788. *Герберт, или Прощай богатство. Нравоучительныя и забавныя аглинския письма*. Перевод с французского. Ч. 1-3. М. тип. А. Решетникова, 1791. De Fieux

а истинное происшествие, как уверял сочинитель.”⁶⁴ Отметим только, что адаптированный *Анабазис Кира*⁶⁵ Ксенофонта стал его любимой и незабываемой книгой, и “даже наружность ее [...] врезалась в [его] памяти,”⁶⁶ что он научился декламировать матери и при гостях “Россияду,”⁶⁷ “читал с большим удовольствием” пятнадцать томов *Жизни Английского философа Клевеланда*,⁶⁸ но “Шехеразада свела [его] с ума,” так как “еще ни одна книга не возбуждала в [нем] такого участия” и заставляла его забыть обо всем. Автор ставит вопрос о причинах такого сильного воздействия на него волшебных – заведомо выдуманных – сказок.⁶⁹

Если мать маленького Багрова подозрительно относилась к его чрезмерному увлечению чтением и старалась его обуздать, то отец Герцена разрешал сыну “рыгаться [...] сколько [он] хотел” в “большой библиотеке, составленной из французских книг прошлого столетия,” которые “валялись грудями в сырой, нежилой комнате нижнего этажа в доме” дяди-Сенатора.⁷⁰ Автор упоминает французские и немецкие (Огюста Лафонтена⁷¹) романы, русские, французские и немецкие (Коцебу) комедии, которые он читал с увлечением несколько раз, но утверждает, что “сильнейшее влияние имела на [него] пьеса, которую [он] любил без ума, перечитывал двадцать раз, и притом в русском переводе ‘Феатра,’⁷²” – “Свадьба Фигаро” Бомарше,⁷³ которая пробудила в нем чувственность. Сильное действие произвело на него и чтение *Вертера* Гете, особенно “страшной развязки,” которая заставляла его “плакать, как сумасшедший.”⁷⁴

И молодому Аполлону Григорьеву отдали в полное распоряжение старые книги деда, бывшего масона, знакомого Новикова:

Mouhy, C. *Le masque de fer ou Les aventures admirables du Pere et du Fils*, romance, tire de l'Espagnol, Paris 1747. *Железная маска или Удивительные приключения отца и сына*. Повесть гишпанская. Переведена с французского языка И.Ф.Б. СПб. 1766-1767.

⁶⁴ Аксаков 1966: 518.

⁶⁵ Ragi, *Histoire de Cyrus le jeune, et de la retraite des dix mille [...]*, Paris 1736. *Повесть о младшем Кире и о возвратном походе десяти тысяч греков*, переведенная с французского Васильем Тепловым, СПб. при Имп. Акад. наук, 1762.

⁶⁶ Аксаков 1966: 336-337.

⁶⁷ Там же: 375.

⁶⁸ Там же: 412.

⁶⁹ Там же: 429; 432-433.

⁷⁰ Герцен 1956: 46.

⁷¹ А.Н.Ж. Lafontaine (1758-1831). О двусмысленном значении сентиментальных романов автора остроумно пишет А. Григорьев (1980: 73-75).

⁷² *Российский феатр* или Полное собрание всех российских феатральных сочинений, СПб., при Имп. Акад. наук, 1786-1794, 43 ч.

⁷³ *Фигарова женитьба*, комедия в пяти действиях, сочинения Петра Августина Карона де Бомарше. Переведенная на русский язык А[лександром] Л[абзинным], [...], М., Унив. Тип. У Н. Новикова, 1787.

⁷⁴ Герцен 1956: 47.

Странно повеяли на меня эти старые книги деда в их желтых кожаных переплетах, книги мрачные, степенные, то в лист и печатанные славянским шрифтом, как знаменитое *Добротолюбие*,⁷⁵ то в малую осьмушку, шрифтом XVIII века, и оригинальные вроде назидательных сочинений Эмина, и переводные вроде творений Бюниана⁷⁶ и Иоанна Арндта,⁷⁷ и крошечные и полуистрепанные, как редкие ныне издания сатирических журналов: *И то и се*, *Всякая всячина*.

Естественно, такое восторженное описание принадлежит перу взрослого Григорьева. На самом деле, в детстве он предпочитал русские исторические и авантурные романы, старые книги он “топтал ногами в негодовании” и старая библиотека со временем была “раскрадена пьяными лакеями и съедена голодными мышами.”⁷⁸ Автор остроумно отмечает, что Русские “все маленькие Петры Великие на половину и обломовцы на другую. В известную эпоху мы готовы с озлоблением уничтожить следы всякого прошедшего, увлеченные чем-нибудь первым встречным, что нам понравилось, и потом чуть что не плакать о том, чем мы пренебрегали и что мы разрушали.”⁷⁹

С полной свободой чтения мальчиков 1810–20 и 1830-х гг. можно сопоставить ограниченное положение благовоспитанной московской барышни,⁸⁰ генеральской дочери 1850–60 гг., из “Воспоминаний детства” (1890, д. г.: 1857–1863) Софьи Круковской (Ковалевской, по матери немецкого происхождения), которой гувернантка-англичанка запрещала сочинять стихи и читать иностранные романы из богатой библиотеки родителей.⁸¹ Будущий математик в детстве очень любила механизм стихов, но в ней не находила “ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Некрасова.” Поэтому,

⁷⁵ *Добротолюбие*, или словеса и главизны священного трезвения, собранные от писаний святых отец, 4 части, М. 1793-1794, первый церковно-славянский перевод “Филокалии” Паисия Величковского.

⁷⁶ Возможно (цитируем первые издания): Bunyan, J. *The Pilgrim's Progress from This World to That Which Is to Come; Delivered under the Similitude of a Dream*, P. 1-2, London, 1678-1684. *Любопытное и достопамятное путешествие христианина к вечности чрез многия приключения* [...] сочиненное на аглинском языке Иоанном Бюнианом. А переведено с французского языка Ч. 1-2 [М. Сенатская тип. 1782].

⁷⁷ *Herrn Johann Arndts sechs Bücher vom wahren Christentum [...] nebst dessen Paradiesgartlein aller christlichen Tugenden* [...] 1695. Иоанна Арндта *О истинном христианстве* шесть книг, с присовокуплением Райскаго вертограда и других некоторых мелких сочинений сего писателя. Перевод с немецкаго [И. П. Тургенева] Ч. 1-5, М., Тип. И. Лопухина, 1784.

⁷⁸ Григорьев 1980: 14.

⁷⁹ Там же: 13.

⁸⁰ Изучению женского воспитания в XVIII в. на основе мемуаров дворянок посвящена работа Pushkareva 2003.

⁸¹ Ковалевская 1989: 41-43.

парадоксально, “самой главной книгой,” которая заставила ее “несколько дней [...] ходить как сумасшедшая” оказалась школьная хрестоматия Филонова,⁸² “купленная по настояниям [...] учителя.”⁸³

И Никанор Затрапезный, рассказчик *Пошехонской старины* подчеркивает, что в детстве он должен был довольствоваться учебниками старших братьев и “не имел ни малейшего понятия о существовании русской литературы,” то есть русской поэзии: “Ни хрестоматии, ни даже басен Крылова не существовало, [...] не знал ни одного русского стиха.”⁸⁴ Парадоксально, для него, “животворным лучом было [...] *Евангелие*,” вернее книга *Чтение из четырех евангелистов*,⁸⁵ которая “была в числе учебных руководств.”⁸⁶ Как и в мемуарах Герцена,⁸⁷ здесь об *Евангелии* говорится как о самостоятельном личном открытии молодого автора и как о чтении, никак не связанном с церковными обрядами.⁸⁸

Более ‘оправдано’ незнание будущим русским писателем русской литературы в случае маленького Владимира Короленко. Заинтересованный отыскать в прошлом корни собственного творчества, автор выделяет как первую и самую влиятельную книгу назидательную “большую повесть польского писателя,” чье имя он не помнит, “Фомка из Сandomира” (“*Tomek Sandomierzak*”),⁸⁹ ближе к его писательским вкусам последующих чтений романов Дюма, Монтепена⁹⁰, Габорио⁹¹ и Евгения Сю,⁹² между тем как “русская литература впервые предстала [перед ним] в виде одного только *Вестника Юго-Западной и Западной России*,”⁹³ а “Гоголя, Тургенева, Достоевского, Гончарова и Писемского [он] знал лишь по некоторым, случайно попадавшимся рассказам.”⁹⁴

Любопытно и, казалось бы, анахронично воспитание героя пореволюционной повести И. Бунина *Жизнь Арсеньева* (1930; 1952, детские годы:

⁸² Филонов А. Г., *Русская хрестоматия с примечаниями*. Для высших классов сред. учеб. заведений, вып. 1-4, СПб. 1863-1867.

⁸³ Ковалевская 1989: 41.

⁸⁴ Салтыков-Щедрин 1975: 67.

⁸⁵ *Чтение из четырех евангелистов* и из книги деяний апостольских для употребления в училищах. Издано от Деп. нар. прос. Казань, 1860, 167 с.

⁸⁶ Салтыков-Щедрин 1975: 69.

⁸⁷ Герцен 1956: 54.

⁸⁸ Салтыков-Щедрин 1975: 70-71.

⁸⁹ Gregorowicz, J.K., *Tomek Sandomierzak: powieść*, Vol. 1, Nakł. Bolesława Maurycego Wolffa, 1858 - 382 S. Автор пишет “кажется Коржениовского” (Короленко 1953: 67).

⁹⁰ Xavier Henri Aymon Perrin, comte de Montépin, 1823-1902.

⁹¹ Émile Gaboriau, 1832-1873. Один из зачинателей детективной литературы. Например: *Le crime d'Orsival. Преступление в Орсивале*. Роман. Соч. Габорио. С франц. СПб. 1869.

⁹² Короленко 1953: 224.

⁹³ Там же: 100.

⁹⁴ Там же: 224.

1873–1880), которого в 1870 г. учитель-приживальщик Баскаков “выучил [...] писать и читать по русскому переводу Дон-Кихота,”⁹⁵ ставшему тем самым его первой и самой важной книгой. Картинки и рассказы воспитателя “о рыцарских временах совсем свели [его] с ума.”⁹⁶ “А за Дон-Кихотом и рыцарскими замками последовали моря, фрегаты, Робинзон, мир океанский, тропический” и все еще ощущение, что он “к этому [...] миру [...] несомненно некогда принадлежал.”⁹⁷

И соученики маленького Алексея Пешкова читают с увлечением Робинзона, “настоящую историю,” предпочитая ее сказкам, которые любит он. И здесь герой выказывает дух противоречия. Он украдывает у матери рубль, с намерением купить и прочитать книгу, только “чтобы тоже сказать о нем – это чушь!”⁹⁸

Часто последующие книги становятся вехами на пути подрастания и познания мира. Аксаков отмечает новое, более осознанное прочтение уже известных книг,⁹⁹ или расширение круга чтений в определенном месте.¹⁰⁰ И А. Герцен сравнивает детские и подростковые чтения, занимавшие его во время пребывания в имении Васильевском.¹⁰¹

Как мы видели, с рассказом о первой важной книге тесно связана тема преемственности чтений. Она представляется в трех вариантах: то, как в мемуарах Герцена и Ковалевской, ребенок изображается как одинокий открыватель необитаемого острова – домашней библиотеки – где его ждет сокровище, то, как у Болотова, Аксакова, Салтыкова-Щедрина, из-за отсутствия или недостатка книг, он вынужден их искать вне дома и строит себе новую линию культурной преемственности, отличающуюся от родовой, то, реже, будущий автор включается в читающую домашнюю среду, и от нее воспринимает вкусы и пристрастия.

Особой теплотой отличаются домашние сцены чтения в мемуарах И.И. Дмитриева. Его отец и мать (сестра литератора Н.А. Бекетова, лично знакомая с Сумароковым) любили русскую литературу, читали детям стихи Сумарокова и Ломоносова.

... приятно мне вспоминать один вечер Великой Субботы, проведенный отцом моим посреди нашего семейства за чтением.
[...] В ожидании заутрени, отец мой, для прогнания сна, вынес

⁹⁵ Бунин 1996: 47.

⁹⁶ Там же: 51.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Горький 1972: 190.

⁹⁹ Аксаков 1966: 401.

¹⁰⁰ Там же: 518.

¹⁰¹ Герцен 1956: 63.

из кабинета Собрание Сочинений Ломоносова, первого московского издания, и начал читать вслух известные строфы из *Иова*; потом *Вечернее размышление о Величестве Божиим* [...] Чтение заключено было *Одою на взятие Хотина*.¹⁰²

От таких домашних чтений до страсти к поэзии и желания стать самому поэтом – лишь один шаг. Но для нас примечательно включение чтения как философских, так и торжественных од Ломоносова в обряды православной Пасхи, т. е. “накладывание” друг на друга стадий “интенсивного” и “экстенсивного” чтений о которых, вслед за Р. Энгельсингом, говорят исследователи.¹⁰³

Аналогично, в *Детских годах Багрова-внука*, портрет двоюродной сестры деда Прасковьи Ивановны Куролесовой, уже известной читателю *Семейной Хроники*, свидетельствует о сосуществовании (частичного) соблюдения религиозных обрядов и пассивного чтения,¹⁰⁴ с “продвинутыми” читательскими вкусами: “Не умея почти писать, она любила читать или слушать светские книги, и, выписывая их ежегодно, она составила порядочную библиотеку, заведенную, впрочем, уже ее мужем. Священные книги она читала только тогда, когда говела.”¹⁰⁵ Из этой библиотеки внук читал “по выбору матери” философско-политические романы Хераскова и самоучки П. М. Захарьина,¹⁰⁶ но украдкой “заглядывал также в романы,” переводные произведения Ричардсона и менее известных авторов,¹⁰⁷ а также Карамзинские “Мои безделки” и “Аонида.”¹⁰⁸ Через некоторое время он встретил ровесницу-читательницу,¹⁰⁹ и чтение стал разделенным, хотя и оспоренным удовольствием.¹¹⁰

Стоит остановиться еще на чтении вслух. Обычно, за исключением времяпрепровождений светского салона, коллективное чтение отцом семейства соотносится с уходящим патриархальным миром,¹¹¹ а индивидуальное чтение знаменует т. н. “революцию чтения.” Вместе с тем, еще в

¹⁰² Дмитриев 1866: 17-18.

¹⁰³ Витман 2008: 360-361.

¹⁰⁴ Там же: 368.

¹⁰⁵ Аксаков 1966: 452-453.

¹⁰⁶ *Арфаксад халдейская повесть*. Издание козловского однодворца Петра Захарьина. Иждивением издателя, Ч., 1-4, М., Унив. тип., 1793-1795.

¹⁰⁷ Meissner, A.G., *Alcibiades*, Carlsruhe, 1791. *Алкивиад*. Творение г. Мейснера. Перевел с немецкого Николай Осипов, Ч. 1-4, Во граде св. Петра, 1794-1802. Gérard Ph.-L., *Le Comte de Valmont, ou les égarements de la raison*, Paris 1776. *Граф Вальмонт, или Заблуждения рассудка*. Письма собранные и обнародованные господином М. Поднесенные королеве французской в 1775 году, г. Жерардом [...] Перевод с французского [Е.К. Ниловой] Ч. 1-7, Тамбов, Волная тип. [Нилова], 1793-1796.

¹⁰⁸ Аксаков 1966: 456.

¹⁰⁹ Провинциальным читательницам посвящена работа Glagoleva 2003.

¹¹⁰ Аксаков 1966: 520-522.

¹¹¹ Chartier 1997: 298.

домашнем обиходе Григорьевых, в Замоскворечье начала 1830-х гг., имело место общее чтение взрослыми в комнате родителей. Автор различает “старинно-патетическое чтение отца, и сентиментально-дьячковское и монотонное чтение” учителя Сергея Иванина.¹¹² Он утверждает, что у них “чтение было [...] поистине азартное в продолжение нескольких лет” и “оно имело огромное влияние на [...] моральное развитие” автора, так как мальчику давали подслушивать, все то, что читалось, возбуждая преждевременно его чувственность.¹¹³

Примечательно, что “патриархальным” образом читались не церковные, а новейшие готические или исторические романы. Впрочем, судя по *Детским годам Багрова-внука* на рубеже веков и дети, бывало, читали вслух или наизусть взрослым. Маленький герой читает тете и сестре *Тысячу и одну ночь*, читает маме разные книги “для ее развлечения, а иногда для ее усыпления.”¹¹⁴

Как у Григорьева, так и в *Детских годах Багрова-внука*, чтение представит почти исключительно домашним, зимним, занятием, противостоя уже нию, охоте и другим сельским летним развлечениям. Другие мемуары разделяют с повестями и романами преобладающую с эпохи сентиментализма любовь к чтению на лоне природы.¹¹⁵ Карамзин показывает как “маленький герой в шесть или семь часов летнего утра, поцеловав руку у своего отца, спешил с книгою на высокий берег Волги, в ореховые кусточки, под сень древнего дуба.”¹¹⁶ Подобные сцены мы встречаем у Герцена и Л. Толстого, более правдоподобно в главах, где речь идет уже о юности героя.¹¹⁷

По мнению исследователей, мода соотносится с распространением книг маленького формата.¹¹⁸ А мемуарная запись М.Н. Муравьева 1790-х г. показывает нам четырехлетнего мальчика, старающегося “самоучкою разуметь” большой том ин кварто XVI в. “Вергилия под чистым небом на дворе у Филатова, сидя на скамье или лежа в траве густой, у пруда, в саду, 1771–1772 годов в Вологде.”¹¹⁹ Вместе с тем, мемуары Болотова фиксируют

¹¹² Григорьев 1980: 65.

¹¹³ Там же: 30; 32–33.

¹¹⁴ Аксаков 1966: 412.

¹¹⁵ Виттман 2008: 380.

¹¹⁶ Карамзин 1964: 767.

¹¹⁷ “В 1827 я привез с собою [в деревню] Плутарха и Шиллера; рано утром уходил я в лес, в чащу, как можно дальше, там ложился под дерево и, воображая, что это богемские леса, читал сам о себе вслух” (Герцен 1956: 73); “Иногда, и довольно часто, я вставал рано. [...] Я живо одевался, брал под мышку полотенце и книгу французского романа и шел купаться в реке в тени березника, который был в полверсте от дома. Там я ложился в тени на траве и читал, изредка отрывая глаза от книги...” (Толстой 1978: 288).

¹¹⁸ Кочеткова 1994: 160; Chartier 1997: 296. О семиотике формата русской книги XVIII в. см. Breuillard 2012.

¹¹⁹ Лазарчук 1999: 42–43. О “Вергилии” Муравьева см. наши Rossi 2005 и Rossi 2008.

уже забытое неудобство книг нового типа, такие, как купленные им уже не в детстве *Аргенида*¹²⁰ и *Жилблаз*: “это были первые книги, которые купил я в тетрадях и кои принужден был впервые учиться складывать и сшивать в тетрадку, дабы мне их читать было можно,”¹²¹ что он и сделал в пути с великим удовольствием.

Мы начали с утверждения, что у русских писателей наблюдается тенденция к отождествлению определенной исторической эпохи или этапа жизненного пути с прочитанной в то время книгой, приводя разные примеры автобиографической функции рассказов о чтениях. Здесь особенно важна тема приобщения к литературе и формирования определенных вкусов будущего литератора или интеллигента. Однако из повествований о детских чтениях можно извлечь также рассуждения о чтении как таковом.

С. Аксаков обращает внимание на взаимодействие чтения и фантазии ребенка. То в своем пересказе *Россияды* матери и *Тысячи и одной ночи* тете и сестре Багров-внук невольно обогащает прочитанную историю выдуманскими деталями,¹²² то он вводит в свои детские игры с сестрой приключения, извлеченные из прочитанной книги.¹²³

Чаще отмечается власть чтения над временем и даже над болезнями. По поводу поездки, проведенной за чтением *Аргениды* и *Жилблаза*, А. Болотов пишет:

Чтение сих обеих книг так занимало мое внимание, что я в сей раз и не видал почти тех мест, мимо которых мы ехали, и все путешествие мое делало толь приятным и веселым, что я не помню, чтоб когда-нибудь в иное время препровождал путешествие с столь многим удовольствием, как тогдашнее.¹²⁴

А в *Детских годах Багрова-внука* рассказывается, как старый приятель Петр Иванович Чичагов “уже незадолго до его смерти, очень больной,” “забыв свою болезнь и часто возвращающиеся мучительные ее припадки,” слушая чтение наизусть любимых поэтов, “смеялся самым веселым смехом, повторяя некоторые стихи или выражения” и наконец признался, “с живым и ясным взглядом,” что чтение так утешило, что ему уже “не надо и приема опиума.”¹²⁵

¹²⁰ *Аргенида* повесть героическая сочиненная Иоанном Барклаем а с латинского на славенороссийский переведенная и митологическими изъяснениями умноженная от Василия Тредиаковскаго [...], Т. 1-2, СПб. при имп. Акад. наук.

¹²¹ Болотов 1993: 287.

¹²² Аксаков 1966: 375; Там же: 433.

¹²³ Там же: 321.

¹²⁴ Болотов 1993: 294.

¹²⁵ Аксаков 1966: 488.

Литература

- Аксаков С.Т., 1966, *Собрание сочинений в пяти томах*, Москва, Правда: I.
- Берков П.Н., 1981, “Особенности русского литературного процесса XVIII века,” в *Проблемы исторического развития литератур*, Ленинград, Художественная литература.
- Болотов А.Т. 1993, *Жизнь и приключения Андрея Болотова*, Описанные им самим для своих потомков в трех томах, М. Терра: I.
- Бунин И.А., 1996, *Собрание сочинений в восьми томах*, Москва, Московский рабочий: V.
- Виттман Р., 2008 “Революция чтения в конце XVIII века?,” в *История чтения в западном мире от Античности до наших дней*, Москва, ФАИР: 359–398.
- Герцен А.И., 1956, *Сочинения в девяти томах*, Москва, Гос. Изд. Художественной Литературы: IV.
- Григорьев А., 1980, *Воспоминания*, Москва, Наука.
- Горький М., 1972, *Полное собрание сочинений. Художественные произведения в двадцати пяти томах*, Москва, Наука.
- Дергачева-Скоп Е.И., 1971, “Рукописные книги в хранилищах Свердловска,” *Труды Отдела древнерусской литературы*, Ленинград, Наука, 26: 338–343.
- Дмитриев И.И., 1866, *Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева*, в трех частях, Москва, Готье.
- Кавалло Г., Шартье Р. (ред.), 2008, *История чтения в западном мире от Античности до наших дней*, Москва, ФАИР.
- Карамзин Н.М., 1964, *Избранные сочинения в двух томах*, Москва–Ленинград, Художественная литература: I.
- Кацис Л., 2002, *Осип Манделштам: мускус иудейства*, Москва, Мосты культуры.
- Ковалевская С.В. 1989, *Воспоминания детства*, Москва, Советская Россия.
- Короленко В.Г., 1953, *Собрание сочинений* [в восьми томах], Москва, Правда: VI.
- Кочеткова Н.Д., 1994, *Литература русского сентиментализма*, Санкт-Петербург, Наука.
- Кошелева О.Е., 2000, “Свое детство” в древней Руси и в России эпохи просвещения (XVI–XVIII вв.), Москва, Издательство УРАО.
- Лазарчук Р.М., 1999, “М. Н. Муравьев и Вологда,” в *Литературная и театральная Вологда 1770–1800-х годов. Из архивных разысканий*, Вологда, Легия: 10–43.
- Манделштам О.Э., 1993, *Собрание сочинений в четырех томах*, Москва, Арт-Бизнес-Центр [<http://www.rvb.ru/mandelstam/toc.htm> последняя консультация 11.2.14].
- Николина Н.А., 2002, *Поэтика русской автобиографической прозы. Учебное пособие*, Москва, Флинта.
- Савина Л.Н., 2002, *Проблематика и поэтика автобиографических повестей о детстве второй половины XIX в.* (Л.Н. Толстой “Детство,” С.Т. Аксаков “Детские годы Багрова-внука,” Н.Г. Гарин-Михайловский “Детство Тёмы”). Монография, Волгоград, Перемена.

- Салтыков (Щедрин) М.Е., 1975, *Собрание сочинений*, в двадцати томах, Москва, Художественная литература: XVII.
- Самарин А.Ю., 2001, “Детское чтение в России в XVIII столетии по мемуарам современников,” *Книгочей*, вып. 6: 79–88.
- Сапченко Л.А., 2003, “Претворение карамзинской традиции в автобиографической прозе С.Т. Аксакова,” в *Мировая словесность для детей и о детях*, вып. 8, Москва: 233–239.
- Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, 1725–1800*, 1963–1967, Москва, Изд. гос. библиотеки им. В. И. Ленина.
- Соболевская С.Л., 1997, “Охотница до книг: К 225-летию со дня рождения М.Н. Аксаковой,” *Аксаковские чтения (1996–1997 гг.)*, Уфа: 5–13.
- Сурков Е.А., 2010, “Топос ‘Чтение’ и текстовая реальность русской сентиментальной повести,” *История русского читателя*, вып. 5, Сборник статей: 56–70.
- Тартаковский А.Г., 1991, *Русская мемуаристика XVIII–первой половины XIX в. От рукописи к книге*, Москва, Наука.
- Толстой Л.Н., 1978, *Собрание сочинений в двадцати двух томах*, Москва, Художественная литература: I.
- Фенелон Ф., 2011, *Похождение Телемака. Русский рукописный перевод 1724 года*. Том I. Изд. В. М. Круглов. Санкт-Петербург, Нестор–История.
- Фет А., 1983, *Воспоминания*, Москва, Правда.
- Фонвизин Д.И., 1959, *Собрание сочинений в двух томах*, Москва–Ленинград, Гос. Изд. Художественной Литературы: II.
- Barratt A., 1993, “Maksim Gorky’s Autobiographical Trilogy: The Lure of Myth and the Power of Fact,” *AUMLA: Journal of the Australasian Universities Language and Literature Association: A Journal of Literary, Language, and Cultural Studies* (80): 57–79.
- Battistini A., 2007, *Lo specchio di Dedalo. Autobiografia e biografia*, Bologna, Il Mulino (1990).
- Breuillard J., 2012, “*Le petit format*,” in *Derrière l’histoire – la langue. Études de littérature, de linguistique et d’histoire* (Russie et France, XVIIIe-XXe siècles), Paris, Institut d’Études Slaves: 231–252.
- Brooks J., 1985, *When Russia learned to Read. Literacy and Popular Literature, 1861–1917*, Princeton, Princeton U.P.
- Cavallo G., Chartier R., *Storia della lettura nel mondo occidentale*, Bari, Laterza, 1995.
- Chartier R., 1997, “Libri e Lettori,” in *L’Illuminismo*. Dizionario storico a cura di Vincenzo Ferrone e Daniel Roche, Bari, Laterza: 292–300.
- Coe R.N., 1984, *When the Grass Was Taller: Autobiography and the Experience of Childhood*, New Haven – London, Yale University Press.
- D’Intino F., 1998, *L’autobiografia moderna. Storia Forme Problemi*, Roma, Bulzoni.
- Glagoleva O.E., 2003, “Imaginary World: Reading in the Lives of Russian Provincial Noblewomen (1750–1825),” in *Women and Gender in 18th-Century Russia*, Ashgate, Aldershot: 129–146.

- Orlando F., ²2007, *Infanzia, memoria e storia da Rousseau ai romantici*, Pisa, Pacini editore (1966).
- Pushkareva N.L., 2003, “Russian Noblewoman’s Education in the Home as Revealed in Late 18th-and Early 19th-Century Memoirs,” in *Women and Gender in 18th-Century Russia*, Ashgate, Aldershot: 111–128.
- Rossi L., 2005, “‘Вергилий’ Муравьева: к проблеме Гуманизма в России,” *Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter*: 33: 73–79.
- Росси Л., 2008, “Наследие гуманизма в русской культуре конца XVIII–начала XIX века,” в *Literatura rosyjska XVIII–XXI w. Dialog idei i poetyk*, Łódź, Wydawnictwo Uniwersitetu Łódzkiego: 77–85.
- Rousseau J.J., 2003, *Les Confessions*, Livres I à IV, Paris, Gallimard.
- Tassi I., 2007, *Storie dell’io. Aspetti e teorie dell’autobiografia*, Bari, Editori Laterza.
- Wachtel A.B., 1990, *The Battle for Childhood. Creation of a Russian Myth*, Stanford, Stanford University Press.
- Zatti S., 2007, “Raccontare la propria infanzia,” in Orlando F., ²2007, *Infanzia, memoria e storia da Rousseau ai romantici*, Pisa, Pacini editore: 273–329.

ABSTRACTS IN ENGLISH

R. Baudin: *Normative Criticism and Novel Reading in mid-18th Century Russia*

The Author attempts to prove that Russian classicists like Lomonosov, and especially Sumarokov and Kheraskov, rejected the new genre of the novel in the 1750s -1760s not only because of its thematic content (the unreasonable representation of love), but also because of the new reading practices it introduced in Russia. Focusing on three theoretical texts dealing with the novel, Lomonosov's *Rhetorics*, Sumarokov's *Letters on Novels* and Kheraskov's *On Novel reading*, the article shows that they were all concerned with the threat that the new genre represented for reading practices developed in Russia before the 1750s according to classicist aesthetics and ethics. By programming individual, lonely modes of reading, the novel withdrew the reader from the environment of social control set up by classicism. By providing the reader with an independent "encyclopedia" and releasing him from the obligation to master specific cultural codes, the novel freed the reader from having to acquire specific skills and introduced the new type of the naive and uneducated reader, opposed to the ideal reader of classicism. The final objection of classicist critics to the new reading practices generated by the novel was that it offered a mode of reading based on the pursuit of pleasure and leisure rather than knowledge and duty: this, they feared, would promote a new kind of asocial individual, at odds with the modern ideal of the Russian nobleman, of selfless dedication to the building of the new Russia imagined by Peter the Great.

L. Rossi: *Books and Reading in the Autobiographical Prose of Eighteenth and Nineteenth Centuries Russian Writers: a Tentative Analysis*

The aim of the essay is to define the role of reading in the narratives about childhood of a number of famous and less famous Russian writers. Recurring topics, such as "the first book," the possibility of cultural succession, the beginning of a vocation are dealt with in some detail. This paper also highlights the peculiarities of the Russian reading culture, as compared to those of Western European culture. Special attention is dedicated to the identification of the cited books, editions and sources of translations.

on various nineteenth-century writers. Her favourite readings are: J. Austen, *Pride and Prejudice*; L.N. Tolstoy, *War and Peace*; and D. Lodge, *Changing Places*.

Damiano Rebecchini is Associate Professor of Russian Language and Literature at the University of Milan. He has been working for some years on the history of reading in nineteenth-century Russia. In particular, he has studied the literary canon and reading practices in different social environments, from the court of the tsars to the lower classes. He has published papers on how they read at the court of Tsar Nicholas I and on the reception of nineteenth-century authors like Gogol and Tolstoy in the peasant world. In recent years, his research has been focusing on the education of Tsar Alexander II. His favourite readings are: H. Melville, *Bartleby the Scrivener*; F. Dostoevsky, *The Idiot*; C.E. Gadda, *Quer pasticciaccio brutto de via Merulana*.

Abram Reitblat is head of the Department of rare books of The Russian Art State Library of Moscow and member of the editorial staff of *Novoe Literaturnoe Obozrenie*. He is the author of *Kak Pushkin vyshel v genii: Istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoi kulture Pushkinskoi epokhi* [How Pushkin become genius: Historico-sociological studies on books culture of Pushkin's times] (Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2001); *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoi sotsiologii russkoi literatury* [From Bova to Balmont and Other Works in Historical Sociology of Russian Literature] (Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2009); *Pisat' poperek: Stat'i po biografike, sotsiologii i istorii literatury* [Writing Athwart: Essays in Biographics, Sociology and History of Literature] (Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2014) and several other works on historical sociology of Russian literature. His three favourite books are: N. Leskov, *Short stories*; Kenko Hoshi, *Tsurzure gusa*; G. Simmel, *Essays in Sociology*.

Laura Rossi is Associate Professor of Russian Literature at the University of Milan. Her research interests include the genre system of Russian Sentimentalism, the problems of the Classical heritage and of poetic translation, imitation, quotation, visual/textual intersections. She has written essays about Denis Fonvizin, Mikhail Nikitich Murav'ev (1757-1807), Konstantin Batyushkov, Alexander Pushkin, Lev Tolstoy, the image of Capuchins in European culture. In 2010 she has co-organized an international meeting on Lev Tolstoy and in 2012 co-edited *La sincerità di Tolstoj. Saggi sull'opera e la fortuna a 100 anni dalla morte* (Milano, Cisalpino, 2012). Her childhood/teenage favorite books were: L. M. Alcott, *Little women*; C. Dickens, *David Copperfield*; L. Tolstoy, *Voina i mir*.

Jonathan Stone is Assistant Professor of Russian and Russian Studies at Franklin & Marshall College. He is the author of *The Historical Dictionary of Russian Literature*